

ООН

НА СТРОЙКЕ

XV ГОД РЕВОЛЮЦИИ

9

ОБЪЕДИНЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ РСФСР

Горы, снега „белков“. Тайга, холодными прозрачными озерами глядящая в небо. Толстый вековой слой хвои, пушистым ковром расстилающийся под ногами. Бесноватые „камы“ (колдуны), в исступлении бьющие в бубны. Дымящиеся конские туши—приношение кровавому божеству. И тишина. Прозрачной и глухой стеной вставала здесь тишина, отделяя тайгу от мира шумов, движений, людских дел. И вот умер этот экзотический Алтай. Взорвана вековая тишина, и слово получает человек.

От пустынных высот Улыгана до Чуйского тракта, от Кош-Агача, что на монгольской границе, до Телецкого озера, между Бией и Катунью,—по всей горной стране, что лежит на юго-западе Сибири, получает слово участник борьбы и наступления.

Коммунистам и комсомольцам, колхозникам и женделегаткам, ликбезникам, курсантам, работникам аймаков—всем, кто дерется за новый советский Алтай, кто создает его своей повседневной работой, предоставляется здесь слово.

Сквозь запутанность племенных, языковых, религиозных различий, сквозь пестроту бытовых укладов, разницу культурных уровней, сквозь национальную рознь—наследие царской политики,—сквозь все это победоносно проходит советский Алтай, празднующий десятилетие своего освобождения и мирного строительства.

В долине Чулышмана, к югу от Телецкого озера, живут теленгиты, крещенные православными миссионерами. Значительная часть их знакома с примитивным земледелием, часть охотится, рыбачит. Вдоль Чуи и Катунь обитают „алтай-кижи“, во многом отличающиеся от теленгитов. Они почти не знали миссионерской „благодати“. „Алтай-кижи“—бурханисты (своеобразная смесь древнеалтайских обрядностей с ламаизмом), кочуют и занимаются скотоводством. Лишь в последнее десятилетие они начали переходить к земледелию и оседлости.

В Улале, в Чемале, Онгудае, в колхозах и интернатах вырастают новые люди. Они уже скинули излюбленные путешественниками пестрые облачения, а если не скинули, то внешность эта мало приметна сравнительно с их работой, их взглядами, запросами, желанием и умением строить новое, социалистическое.

Жизнь поворачивается. Она переправляется на другой новый берег; и люди тоже становятся иными, новыми.

Жизнь меняется.

Где быстрее, где медленнее, жизнь сбрасывает с себя завшивевшие лохмотья прошлого. Силы,двигающие ее, все увеличиваются. Борьба и наступая, они захватывают все новые участки фронта,—того тысячеверстного фронта, что пролегает на одной шестой земного шара.

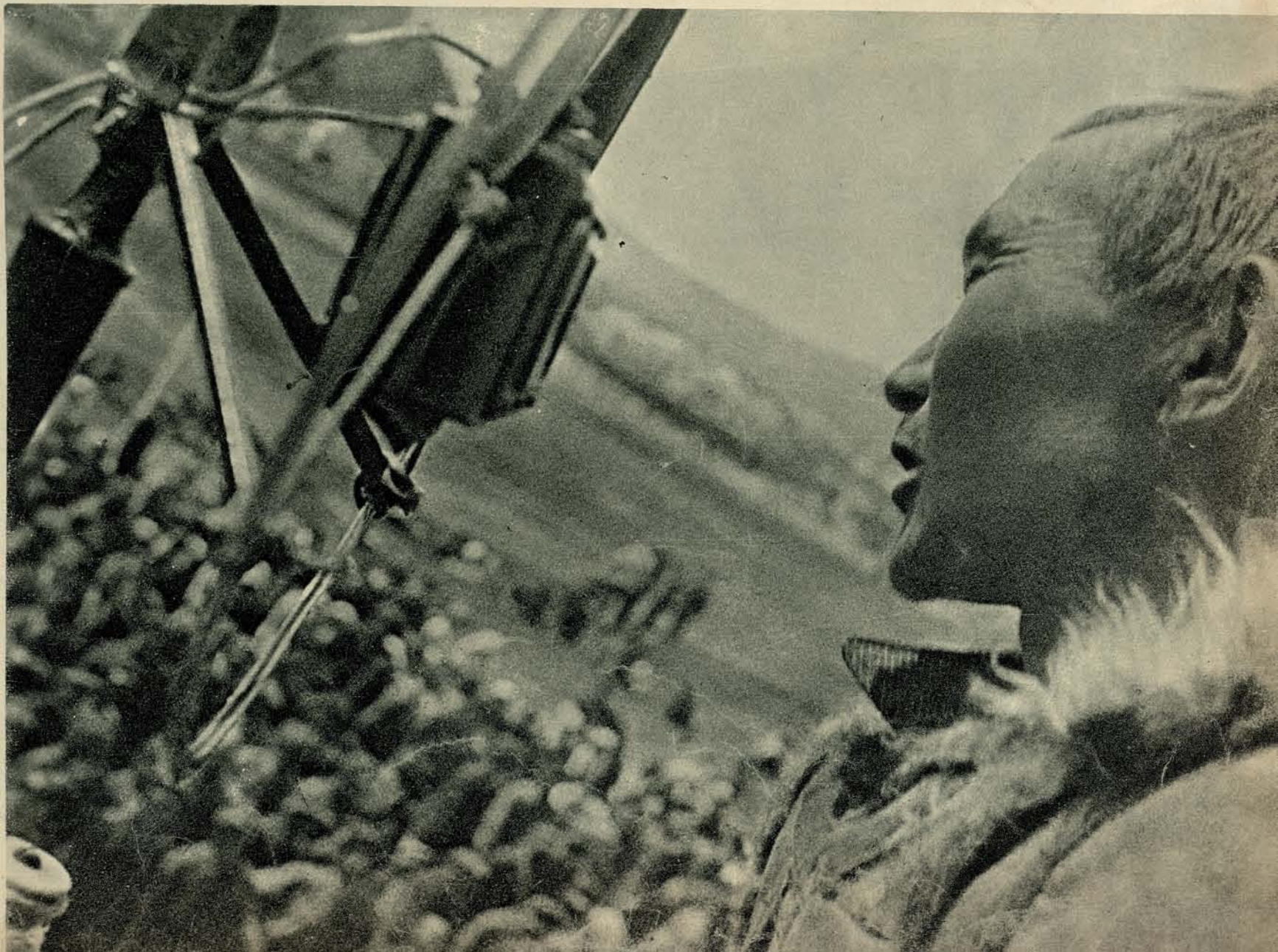

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СССР НА СТРОЙКЕ

№ 9

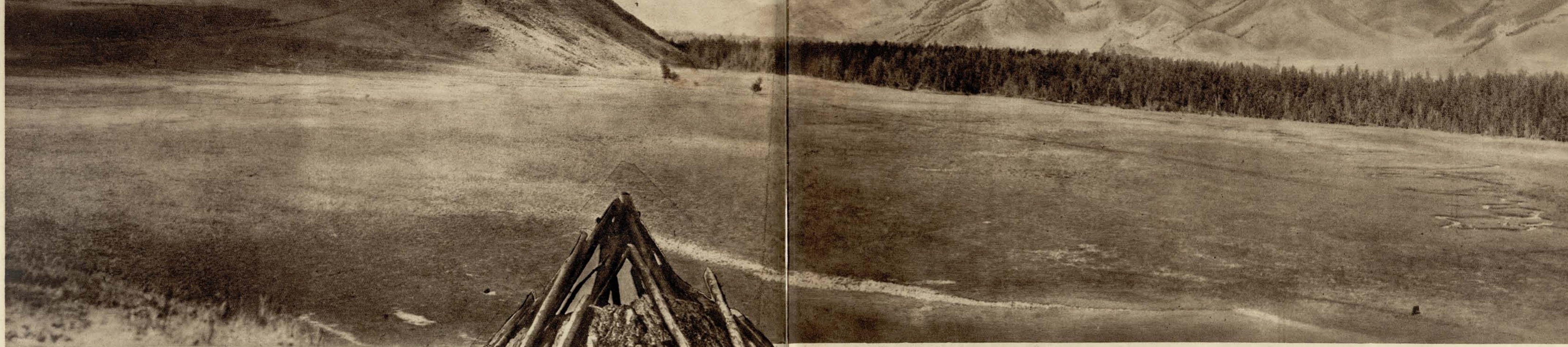
СЕНТЯБРЬ 1932 г.
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

Слово получает советский Алтай.

ПРОЗРАЧНОЙ И ГЛУХОЙ СТЕНОЙ ВСТАВАЛА ЗДЕСЬ ТИШИНА

Горы. Тайга. А в глухой тайге, в горах, в между-горьях, на берегах озер и рек рубили жерди, покрывали их корой. И готово жилище.

Внутри айла (юрты) расстилали шкуры, раскладывали нехитрую утварь: корыта, чашки, камни для растирания толкана (жареного ячменя), кувшины с аракой (самогон из молока). Ставили треног, подвешивали котел, в котором день-деньской варился неизменный чай с толканом. Коптили сырники, дубили кожи и мастерили из них одежду. Мужчины пасли стада, охотились, об'езжали коней. Женщины возились по хозяйству, нянчили грязных, больных, покрытых коростой, детей, с утра до ночи спины не разгибали. Курили и пили арачку. Курили с малых лет все,— взрослые и дети. И дым из длинных самодельных трубок сливался с дымом от костра.

Так проходила жизнь. Кончался корм для скота, айлы разбирались, выючили на коней, и люди перекочевывали на новое становище. Три-четыре айла— семья, род. Несколько становищ— племя.

Их было много, этих племен. Они различались верованиями, наречием, одеждой, но жили одинаково дико, бедно. Одинаково мерзали зимой в холодных дымных айлах, одинаково пасли и выхаживали не свои, а хозяйские стада. Нагайка царского стражника, крест миссионера и прихоть бая (богача) были вселилым здесь.

Такова была эта страна, размерами (106 тыс. кв. километров) в два с лишним раза превосходящая Швейцарию. Страна необозримых лесов (пять с половиной миллионов га— кедр, сосны, лиственницы), полезных ископаемых (медь, золото, серебро, свинец, уголь), порожистых рек и водопадов— источников дешевой энергии.

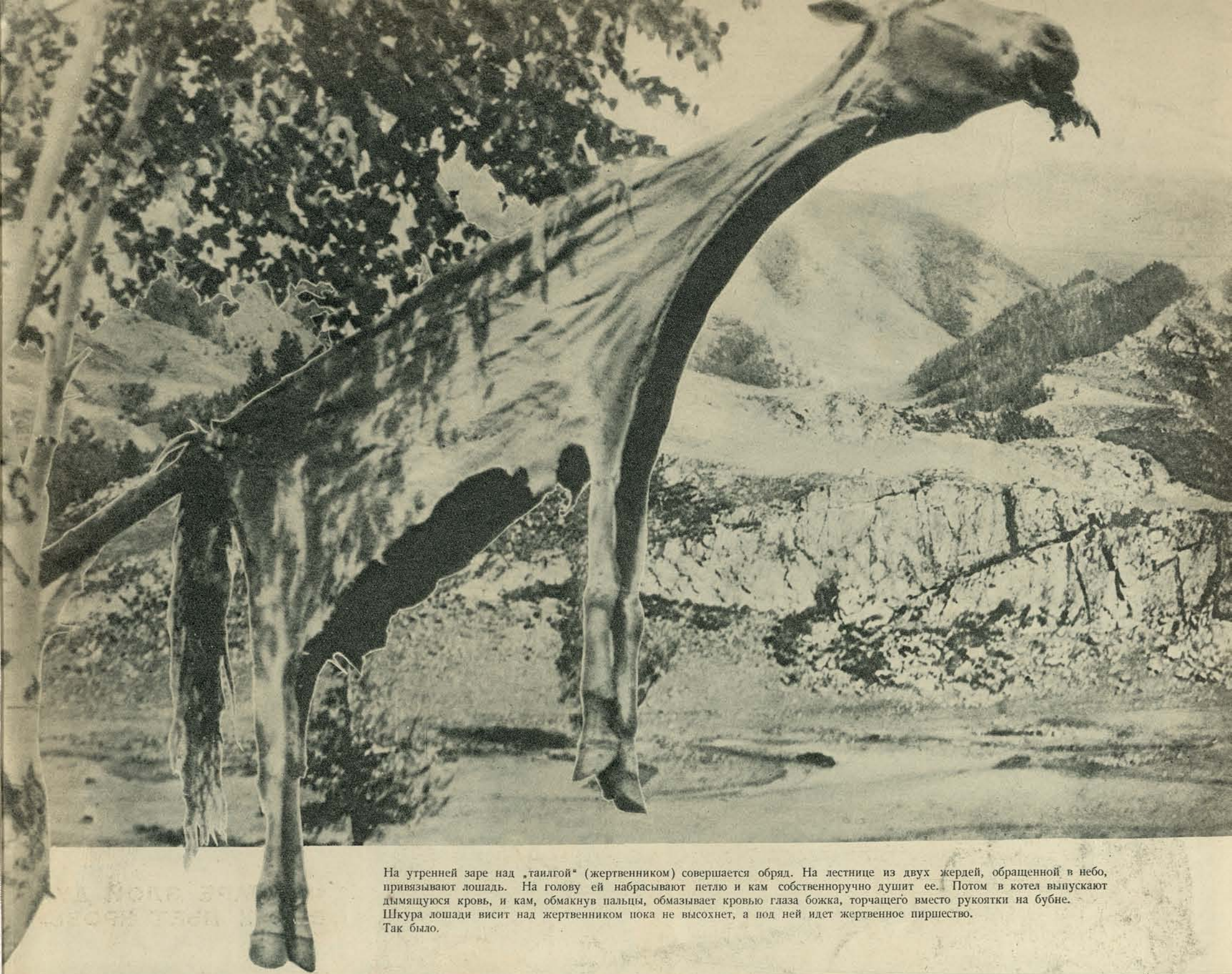
«НА ЗАРЕ ЗЛОЙ ДУХ ЭРЛИК ПЬЕТ КРОВЬ»

Верования ойротов — очень древнего происхождения. Они восходят ко временам, когда монголы правили всем материком. «Во мраке преисподней, на престоле из семи бобров, в железном дворце владычествует злой дух Эрлик. На заре Эрлик пьет человеческую кровь».

— Так вещал кам (колдун).

Ойрот старался умиловить кровожадного духа жертвоприношениями. На обряд этот — камлание — с'езжались соседи и привозили колдуну араку (самогон). На каме — шапка, украшенная совиными перьями, на спине его семь колокольчиков в честь духов, в руках огромный бубен и колотушка. До поздней ночи пляшет кам, в исступлении бьет в бубен, взывая к божеству. Глаза вылезают из орбит, на губах пузырится пена, как у бесноватого.

На утренней заре над „таилгой“ (жертвенником) совершается обряд. На лестнице из двух жердей, обращенной в небо, привязывают лошадь. На голову ей набрасывают петлю и кам собственноручно душит ее. Потом в котел выпускают дымящуюся кровь, и кам, обмакнув пальцы, обмазывает кровью глаза божка, торчащего вместо рукоятки на бубне. Шкура лошади висит над жертвенником пока не высохнет, а под ней идет жертвенное пиршество. Так было.

Жертвенный ячмень ойротки натирают по дедовскому обычаю на камне или в деревянных самодельных жбанах.

Кам был неперменной фигурой и в быту: рождает ойротка, задрал зверь овцу в тайге, заболел ребенок от грязи и холода—кам тут как тут. Кам и бай (кулак) собирали обильную дань с темноты и суеверия.

Октябрьская революция взорвала вековую тишину.
Но не легко и не скоро освободились трудящиеся Алтая от тройного гнета,—
кама, бая и белобандитов.
Только в начале 1923 г. закончилась здесь гражданская война.

Партизан - ойрот.

Тов. Долгих делится воспоминаниями о «снежном походе».

Соратники тов. Долгих — партизаны.

РАССКАЗ

О «СНЕЖНОМ ПОХОДЕ»

Этот рассказ, полный драматизма, мы услышали из уст самого тов. Долгих, командира «снежного похода»:

... Отдохнув в юртах и пополнив свои ряды людским и конским составом, 3 дивизион с приданным ему 4 отдельным кавдивизионом получил оперативное задание: дойти до Чикатаманского перевала, там распечатать закрытый пакет, содержащий боевой приказ, и действовать согласно указаниям, объясненным в этом приказе.

Поднявшись на Чикатаманский перевал, глядя на расстилающуюся перед нами долину, накануне ставшую могилой двух батальонов 185 полка, командир отряда тов. Менаков распечатал пакет. Обойм отрядам под общим моим командованием приказано пройти белками с Чуйского тракта на Уймонский, спуститься в поселок Тюнгур, в глубокий тыл противника, сокрушительным налетом истребить банду Кайгородова, а его самого взять живым или мертвым. Не выполнив этой задачи — не возвращаться. Белки непроходимы даже в малоснежную зиму, тем более в такую, какой была зима 1921—1922 года, особенно к концу. Даже местные охотники на лыжах боялись заходить на Яломанские белки. На этом диком горном краже летом только две тропы: одна — Терехинская, которой мы уже пробовали проникнуть на Уймон, но неудачно, чуть не оставив один из эскадронов. Вторая тропа ведет долиной реки Катунь. Я повел отряд этой тропой. Не доходя до средней переправы реки у «Вербюжьей шейки», обнаружили заставу противника. Благодаря узкому ущелью схватка нашего эскадрона в пешем строю была безуспешной. Невидимый противник, сидевший за скалами, был неуязвим. Тогда я изменил маршрут похода, решив перейти Яломанские белки. Решение, заранее обреченное на провал, как мне пытались доказать другие товарищи. Однако, не видя другой возможности выполнить данный мне приказ, я отдал распоряжение: готовиться к походу.

Устроив смотр отряду, я выяснил, что овес вышел весь. Не было хлеба, сухарей. Я приказал запастись вареным мясом на трое суток, отпустить лишних и больных проводников, бросить не входивших в отряд вьючных крестьянских лошадей. На рассвете мы выступили на страшный Яломанский перевал. Через несколько часов мы были там. Отсюда начались мучения, длившиеся трое суток. По мере движения вперед трудности увеличивались, заставляя меня подумать об отказе от

этого плана. Только благодаря громадному напряжению воли всего отряда мы продолжали двигаться вперед. Снега лежали глубиной до двух метров и кони тонули по брюхо. Костры разводились нечем и на привалах люди дрожали и уставали больше, чем в пути.

На остановке командиры эскадронов доложили, что появились уставшие лошади, которых придется бросить. Настроение командного состава и всего отряда было подавленное. Чувствовалось, что еще немного и скрытый ропот может перейти в прямое неповиновение. Нужно было что-то предпринять. Я заявил всем, что разговора не может быть о возвращении, что первый, выразивший неповиновение, кто бы он ни был, будет рассматриваться, как бунтарь, и будет расстрелян. После этого, вопреки проводникам говорить что-либо о перевале, я разрешил зажечь костры. Через 6 часов отряд двинулся дальше.

Следуя в конце отряда, я видел, как на месте стоянки осталось несколько лошадей. Двигались молча, не разговаривая. Настроение было безразлично-подавленное, не было слышно ни шуток, ни смеха. Ропот тоже перестал. Так прошел весь остаток дня в безмолвном движении.

Часов в 8 вечера остановились на привале. Мороз крепчал. Развести большие костры было не из чего. Зажгли маленькие кучки высохшего можжевельника, вырытого из-под снега, который не давал ни света, ни тепла, а тел, напрасно отнимая труд. На стоянке я увидел, что есть уже пение, что брошено больше 30 лошадей. После 4-часового отдыха, ночью, поднял отряд и двинулся дальше.

В беспрерывном движении вперед и вперед прошел следующий день. Число оставших лошадей уже перешло 50. Фактически мы уже не измеряли время сутками, не отягали дня от ночи, поход был сплошным движением вперед. Люди поняли, что возврата не может быть и в конце концов стремление к цели постепенно охватило всех. Воспользовавшись возбужденным настроением, я давал только короткие передышки и, не считаясь с тем день или ночь, вел отряд все вперед и вперед. Деятого появились первые отстающие люди: отдал единственного своего заводного коня, и велел бросить часть седел. Идущих пешком слабых бойцов посадил по несколько на лошадь вместо здоровых. Остановились на привале.

Выяснилось, что до спуска осталось не более 5—8 верст. Разожив костры уже из появившихся ишей и заколов несколько лошадей на шашлык, я решил дать большой отдых для последнего перехода и подсчитал свои силы. К 4 часам только подтянулись задние. Число уставших лошадей уже подходило к сотне. Людей уставших и оставших насчитывалось тоже несколько десятков.

Обсудив создавшееся положение, я решился на крайнюю меру. За час до наступления темноты отдал распоряжение сняться с привала, отобрать сильнейших лошадей и людей. Все пение и отстающие должны двигаться за нами по мере сил. Это значило, что в случае бурана оставить людей без помощи на верную смерть. Иного выхода я не видел. Остановка требовала принятия исключительных мер. 300 всадников, на довольно свежих еще лошадях, я повел вперед, в последний переход. Мы подошли к первому крутому спуску. Отряд остановился. Командир взвода не решился двигаться дальше. Я добрался кое-как пешком до головы отряда и, выяснив от проводника, что таких крутых спусков будет несколько, приказал командиру головного взвода спуститься первым. Видя его колебание, я вынул наган, щелкнул курком, поставил его на взвод, повторил приказание. Комзвод слез с коня, шагнул вперед и скрылся в темноте. Снова отдал приказ слезать с лошадей стоящим впереди красноармейцам и спуститься за комзводом. Момент был напряженный. Но вот первый красноармеец начал спускаться, за ним последовали остальные. С наганом на взводе пропустил я перед собой весь отряд и никто, ни одна душа не произнесла ни слова. Здесь все друг друга знали. Спуск шел по обледенелому крутому ложу. Лошади скользили, срывались и летели в пропасть, люди выбивались из сил, но я не давал передышки и только перед последним спуском сделал привал. В моем распоряжении теперь было только 150 седел, половина людей, остальные отстали и ждать их мы не могли. Отдохнув и спустившись в долину, я разделил отряд на три части, решив я ударить на бандитов.

С трех сторон ворвались мы лавой в поселок, митом зарубили часовых, захватив всех бандитов во главе с Кайтороловым, расстреляли их, как врагов трудового народа, на месте... За этот беспрерывный «снежный поход» тов. Долгих получил орден Красного Знамени.

КОЛХОЗ КУЛАДА

Кончилась гражданская война и началось мирное строительство.
Те же партизаны-куладинцы, что дрались против Кайгородова, вернувшись домой, организовали в 1925 г. первый ойротский колхоз.
В начале он объединял всего 12 айлов (юрт), а теперь он сильно вырос. Первого секретаря ячейки партии — Кырлу Мандаева — уложила кулацкая пуля, его место занял его брат — Адун.
В колхозе сейчас 45 коммунистов и комсомольцев. Посевы ячменя увеличились с 10 га до 90 га. Сажают картофель, которого здесь до сих пор не знали. В тайге пасется косяк в 400 голов. Есть школа, ясли, баня, утепленный скотный двор.

Нынешний председатель колхоза Кулада.

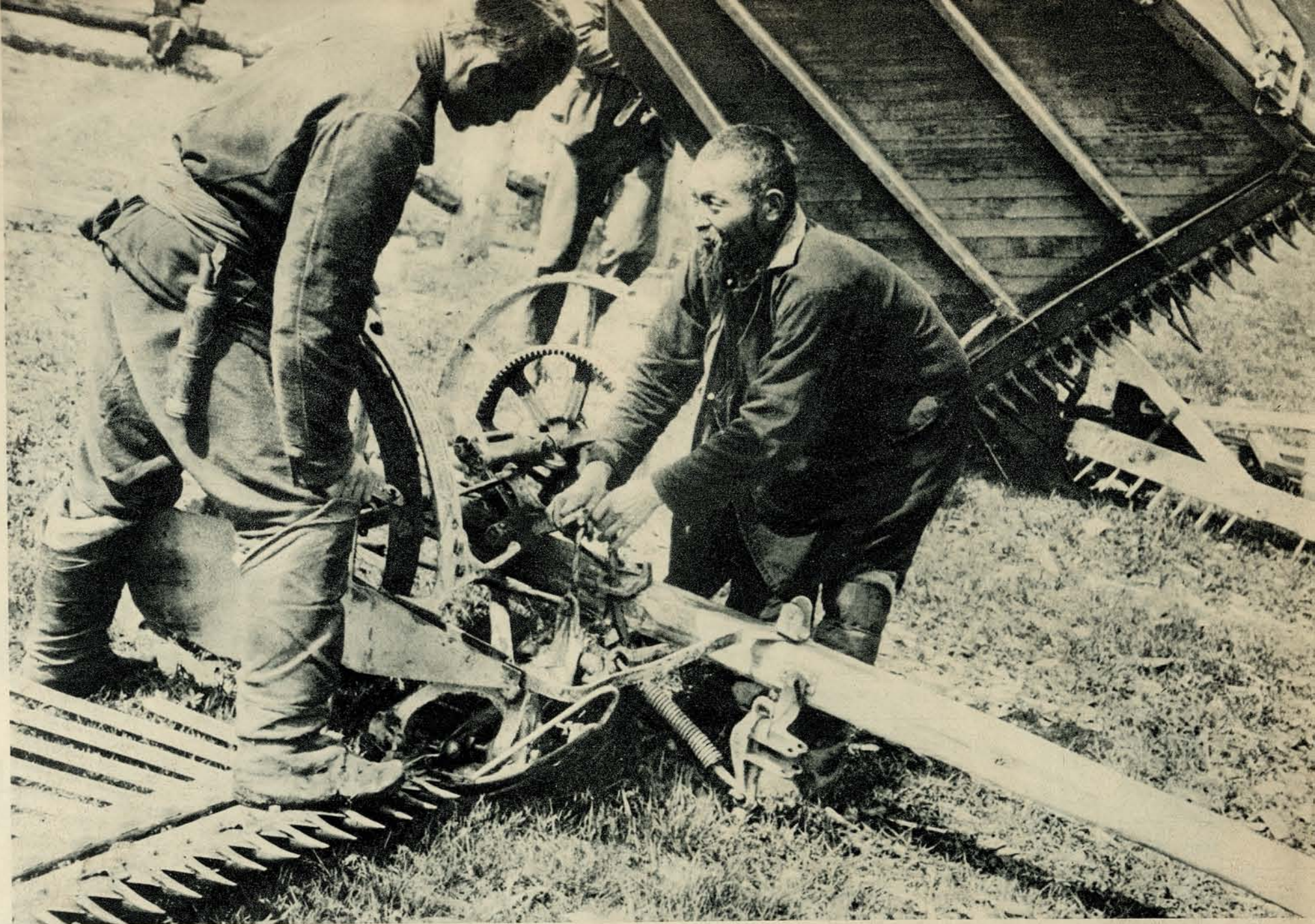

Конец кочевью: вместо айлов строятся избы.

Овцеводство — одно из главных занятий куладинцев.

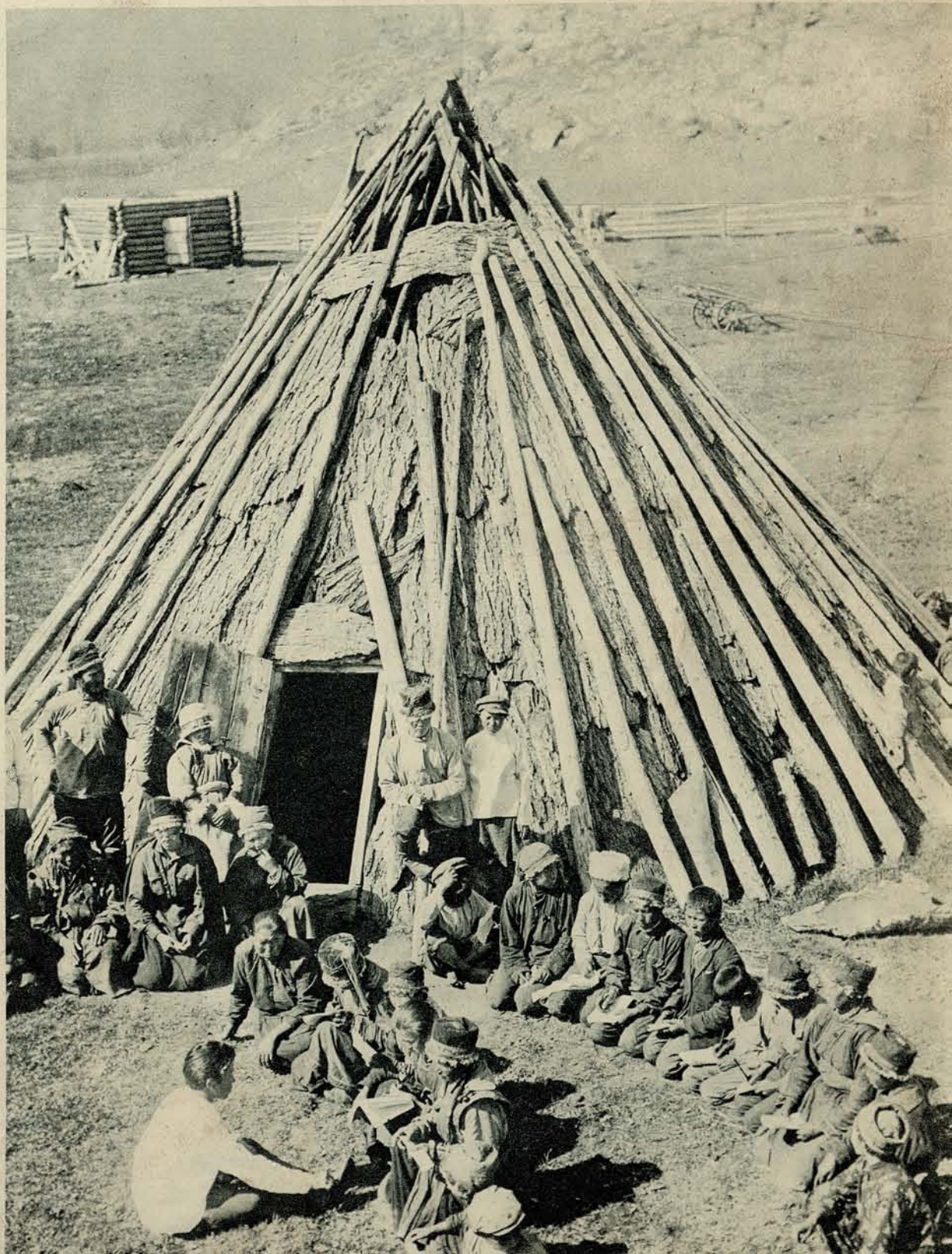
Ремонтируют сельскохозяйственный инвентарь.

В 1925 г. было всего 9 колхозов, об'единявших 328 хозяйств, а к 1932 г. об'единились в коллективы свыше 50% всех хозяйств Ойротии. Колхоз не только повышает материальный уровень, он изменяет все стороны жизни и быта ойрота. От кочевья—к оседлости, от аила—к теплой избе, от примитивных орудий—к сложным машинам.

Кругозор колхозника-ойрота расширяется, появляется потребность в знаниях, и часто, в свободное от работ время, можно видеть, как взрослые мужчины и женщины обучаются грамоте у комсомольца-ликбезника.

Нередкость увидеть и агронома, проводящего беседу о новых формах земледелия, о лучшем уходе за скотом.

Каждый колхоз—это форпост революции.

В свободное время ойроты обучаются грамоте.

КОЛХОЗ ИМ. КАРЛА МАРКСА

Старик-колхозник, прячущий, быть может, под шпанку косичку, которую еще унаследовал от отцов и дедов, с удивлением и усмешкой поглядывает на ребят, суемящихся возле колхозной стенгазеты. Сегодня старик усмехается, а завтра — сам принесет заметку юной «редакции» — комсомолки, которая, как и всюду в Советском Союзе, и здесь является застрельщицей новых дел.

Премированный пастух Бубаков Бедеен.

Комсомольцы колхоза им. Карла Маркса готовят стенгазету.

У телефона Панталакова, член сельсовета, колхозница.

СОВХОЗ ЧЕМАЛ

Постановление 16 с'езда партии об организации «специальных животноводческих совхозов, массовом создании молочных ферм и быстром развитии кормовой базы» относится, в первую очередь, к Ойротии. Совхозы начали организовываться с 1926 г. (5 000 га), после некоторого замедления (1927—1929 гг.) они к 1931 г. сразу выросли до 451 000 га, а в 1932 г.—до 1 436 000 га (в том числе 844 000 га под заповедники). Сюда относятся совхозы «Овцевода», «Скотоведа», Коневодтреста и маральники. Разведение маралов (порода оленей) очень выгодно: рога маралов весьма ценятся в Китае и идут на экспорт.

МАШИНО-СЕНОКОСНАЯ СТАНЦИЯ В КАРАКОЛЛЕ

В соответствующей прогрессии растет и число машино-сенокосных станций, заготавливающих корм. Увеличивается число совхозных работников и работниц молочно- и маслозаводов.

ОПЫТНЫЙ СОВХОЗ «ЖИВОТНОВОД»

Беседа - инструктаж.

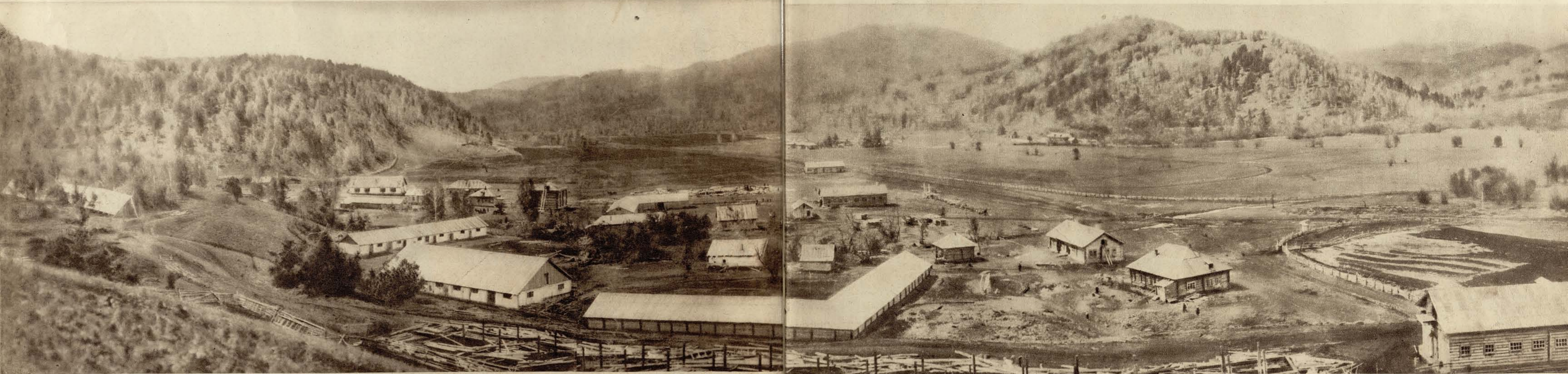

Рост поголовья в совхозах характеризуется следующими цифрами: в 1926 г.—44, в 1927—1929 гг.—72, в 1930 г.—2 050, в 1931 г.—7 902, в 1932 г.—17 319. Но это только начало: кормовая база, без особых капиталовложений, дает возможность в ближайшее время довести поголовье при 4 000 га сенокосов до 45 000 голов,

Обмер новорожденного телка.

а при более капитальных вложениях, при 26 000 га сенокосов, до 100 000 голов. Исключительное значение поэтому приобретают опытные станции - школы будущих совхозов-гигантов. Опытные станции являются также лучшей школой для окрестного населения, которому оказывается помощь, с которым проводятся беседы и т. д.

НОВЫЕ ДОРОГИ

Так было.

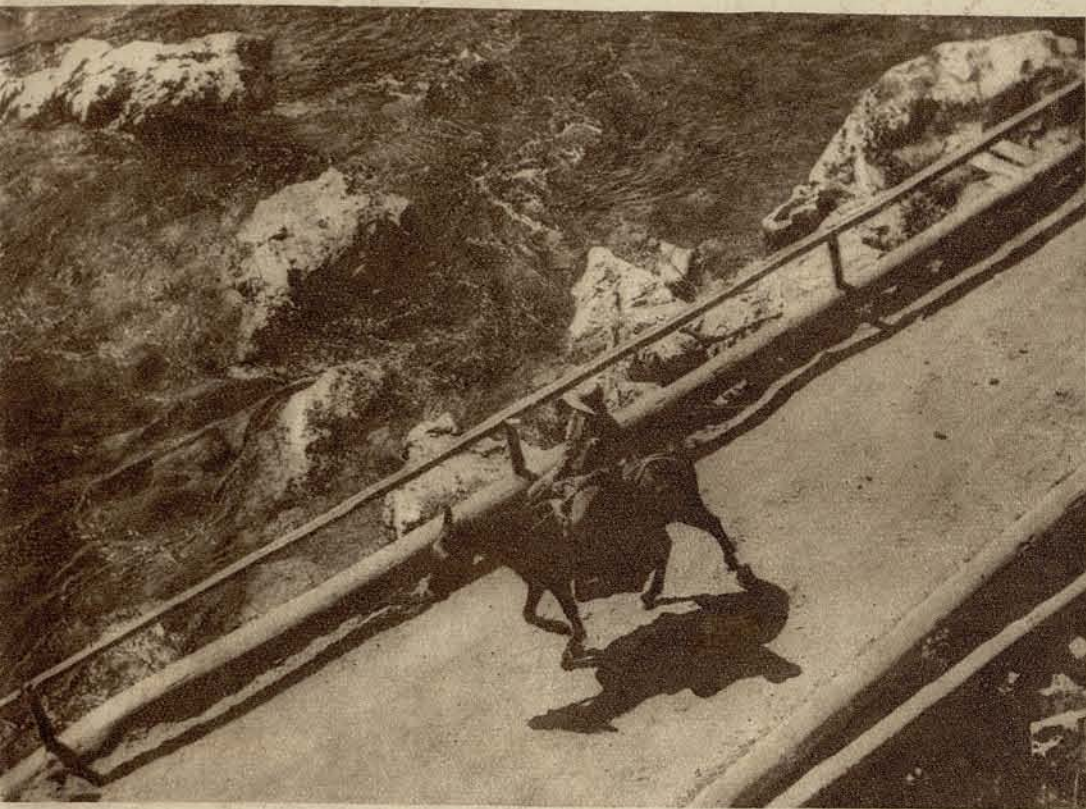

Опасный спуск.

Новый город Иня. Авто-тракторная база.

Мост через реку Катунь.

Укатка новой дороги.

Пути сообщения на Алтае—это мосты в новую жизнь. До последнего времени существовал только один чуйский тракт, вдоль рек Чуи и Катунь. Теперь начинается прокладка Уймонского тракта, намечен тракт Шабалино—Усть-Кан—Онгудай—Ороктой, Улаганский тракт, с выходом на Чую, и Улаган-Турочак. Всего протяжением до 2 088 км.

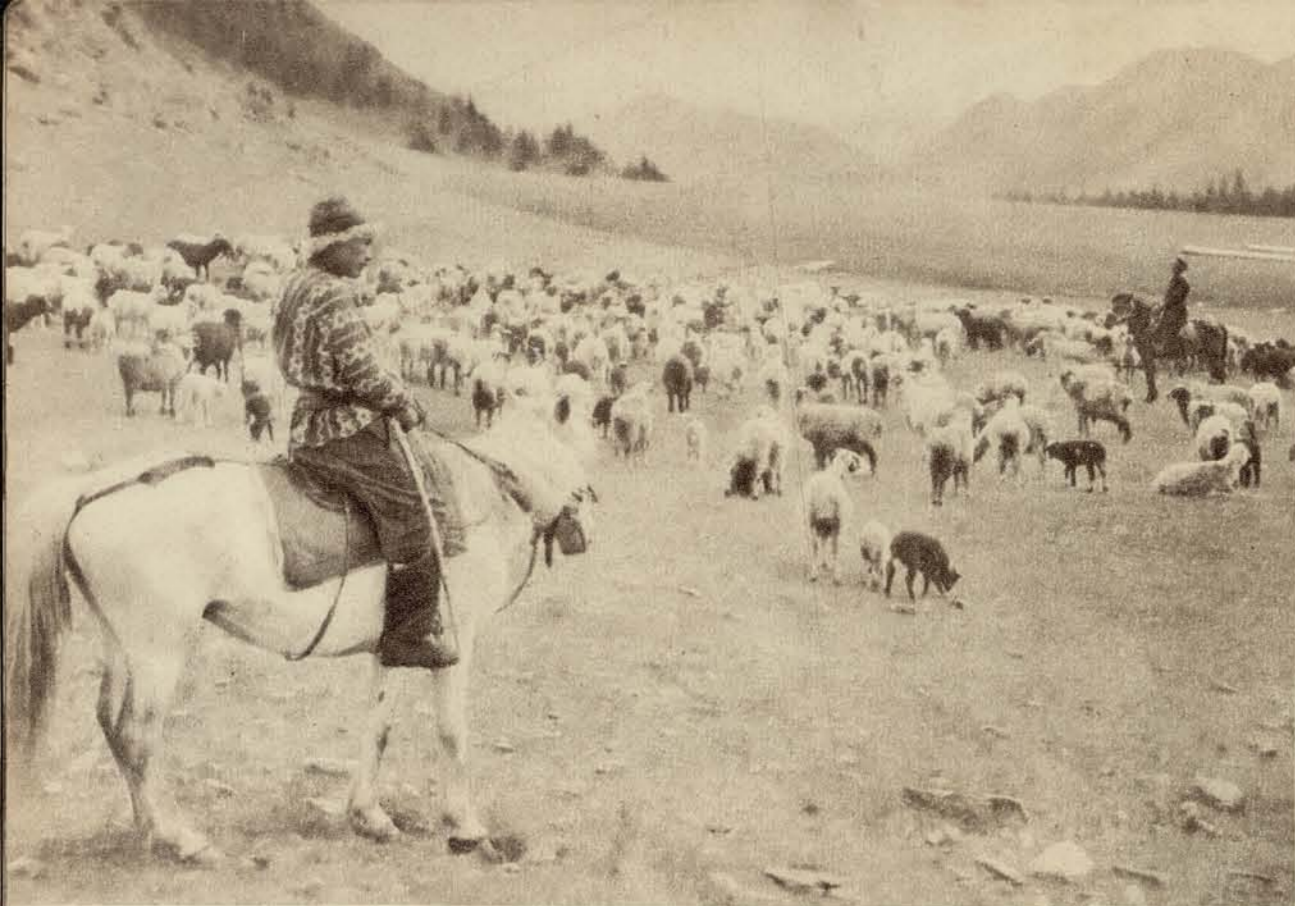
Грузопоток в 1929—1930 гг. составлял 11 452 тонны, в 1931 г.—19 289 тонн, а в 1932 г.—83 381 тонну. В ближайшие годы грузопоток увеличится до 350 000—400 000 тонн.

Ассигнования на дорожное строительство возрастают с 400 000 р. в 1930 г. до 1½ миллиона в 1931 г. и до 4 миллионов в 1932 г.

В условиях Алтая основным видом транспорта должен стать и становится автотранспорт.

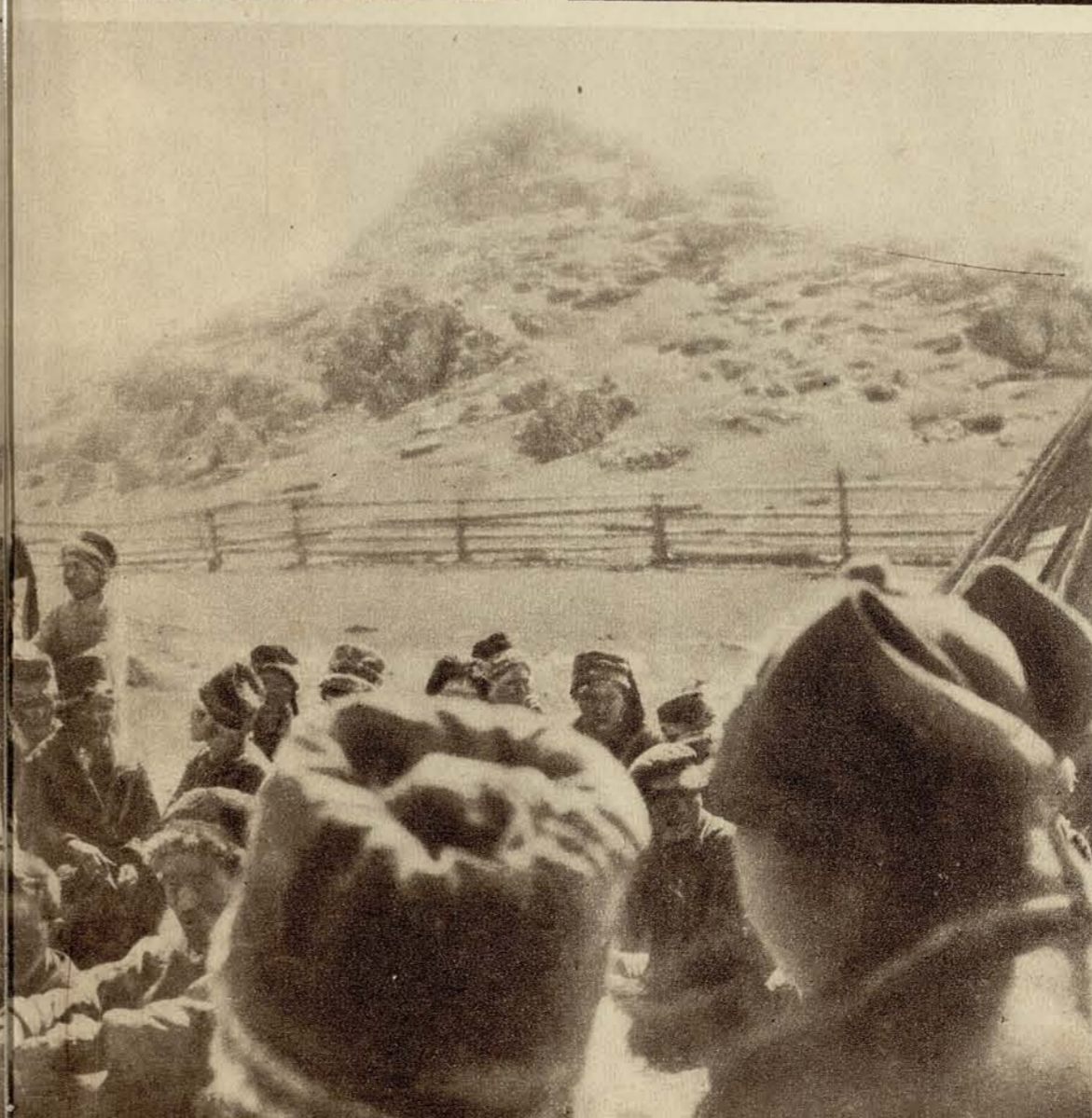
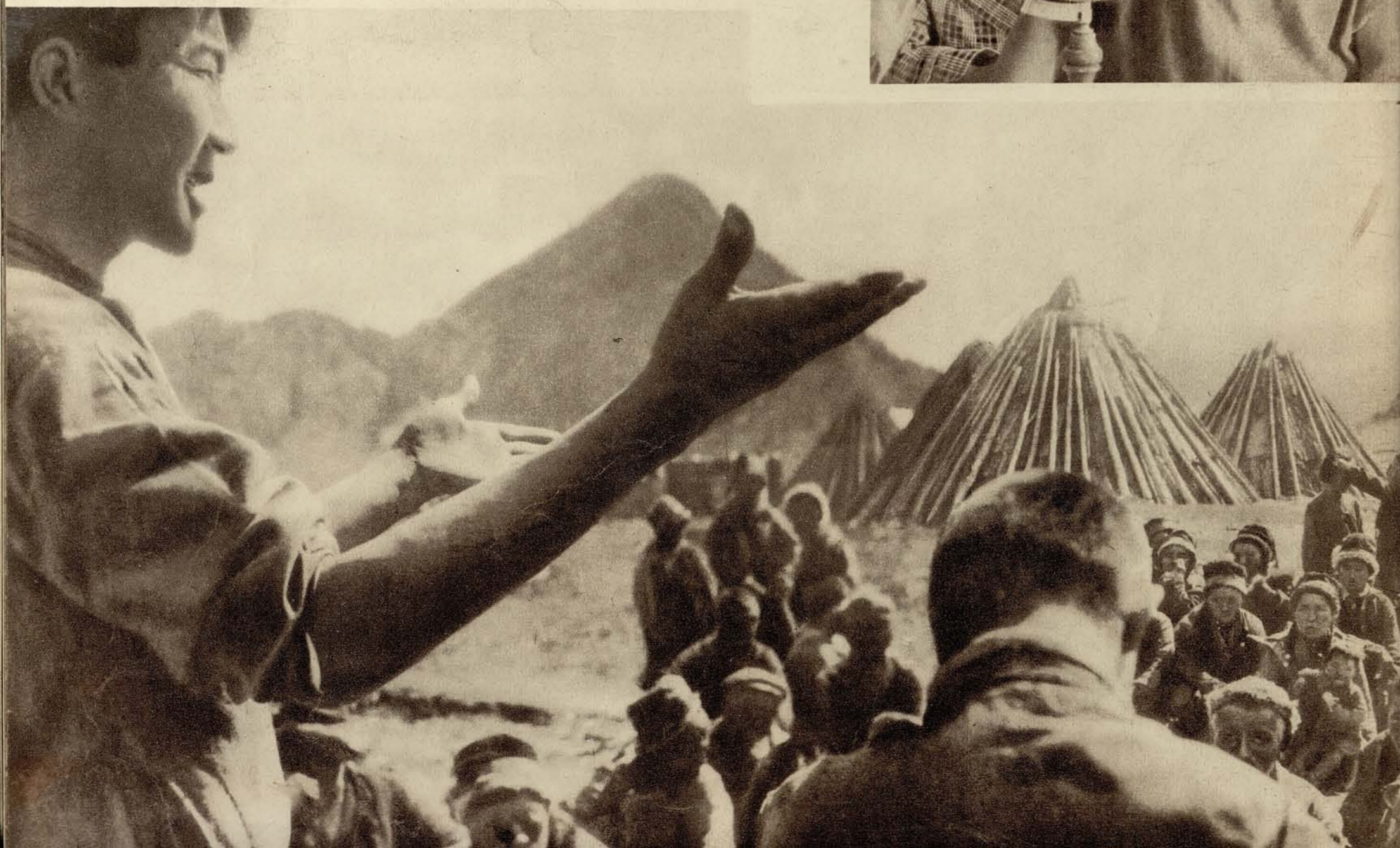

СЛОВО ПОЛУЧАЕТ ЧЕЛОВЕК

В нестром седле пастуха качала жизнь тов. Кучиякова. Глухими тасжними тропами гнал бы он байские стада, как его деды, и стерег бы чужое добро. Но дорога революции, как тот прочный мост, что лег недавно через бурную Катунь, вывела пастуха к новой жизни. Из дальнего урочища — Улалы (столица Ойротии), из Улалы — в Москву — в школу трудящихся Востока (КУТВ). Тот, кто спал на голой земле, вдыхал запах навоза и козьего молока и слушал тишину гор, стал студентом в шумной столице Союза Советов.

Но студент Кучияков не забыл свою родину. Он не забыл сотен и тысяч других пастухов, которым тоже нужно выходить на дорогу. С санитарной юртой-передвижкой, в избе-читальне, раз'ездным инструктором — рядовым культурмейцем армии строителей нового Алтая проходит т. Кучияков из поселка в поселок, из урочища в урочище, обучая неграмотных, агитируя, борясь с бескультурьем, грязью, отсталостью, отдавая свои знания и опыт.

КОХАЕВА ВЫХОДИТ НА ДОРОГУ

Ячейка намечает кандидатуру Кохасовой.

Кучияков — не одинок.

В Куладе жила Кохаева. Она варила чай на костре, натирала толкан, курила с малых лет, как ее подруги, и жизнь ее была тусклой, как тускло было в дымном отцовском аиле.

Но Кулада была уже не прежней Куладой, где правил закон и обычай предков, где умыкали девушек, а женщина была работницей и рабой своего мужа. Колхоз Кулада начинал новую жизнь, и новая жизнь началась и для Кохаевой.

На собрании ячейки партии намечено было послать Кохаеву учиться в Онгудайский Дом Культуры.

Отчий дом Кохаевой.

НЕДОВЕРЧИВО и неприязненно отнеслись к этому спервоначала родные девушки. Странно и боязно было и самой Кохаевой. Никогда еще не уезжала она из родной Кулады. Неслыханно еще было, чтобы ехала девушка учиться.

На общем собрании куладинского колхоза дружно утверждается кандидатура Кохаевой; все ее знают, как смысленную работающую девушку. Коммунары голосуют — им хочется, чтоб и их жены, сестры, дочери стали культурными сведущими помощницами в общей работе. Руки подняты — Кохаева едет в Онгудай.

Голосуют за Кохаеву.

Весь колхоз провожал Кохаеву. Это был настоящий праздник в Куладе. И вот Кохаева в дороге. Гордая оказанным ей доверием, Кохаева хочет стать действительно новым человеком.

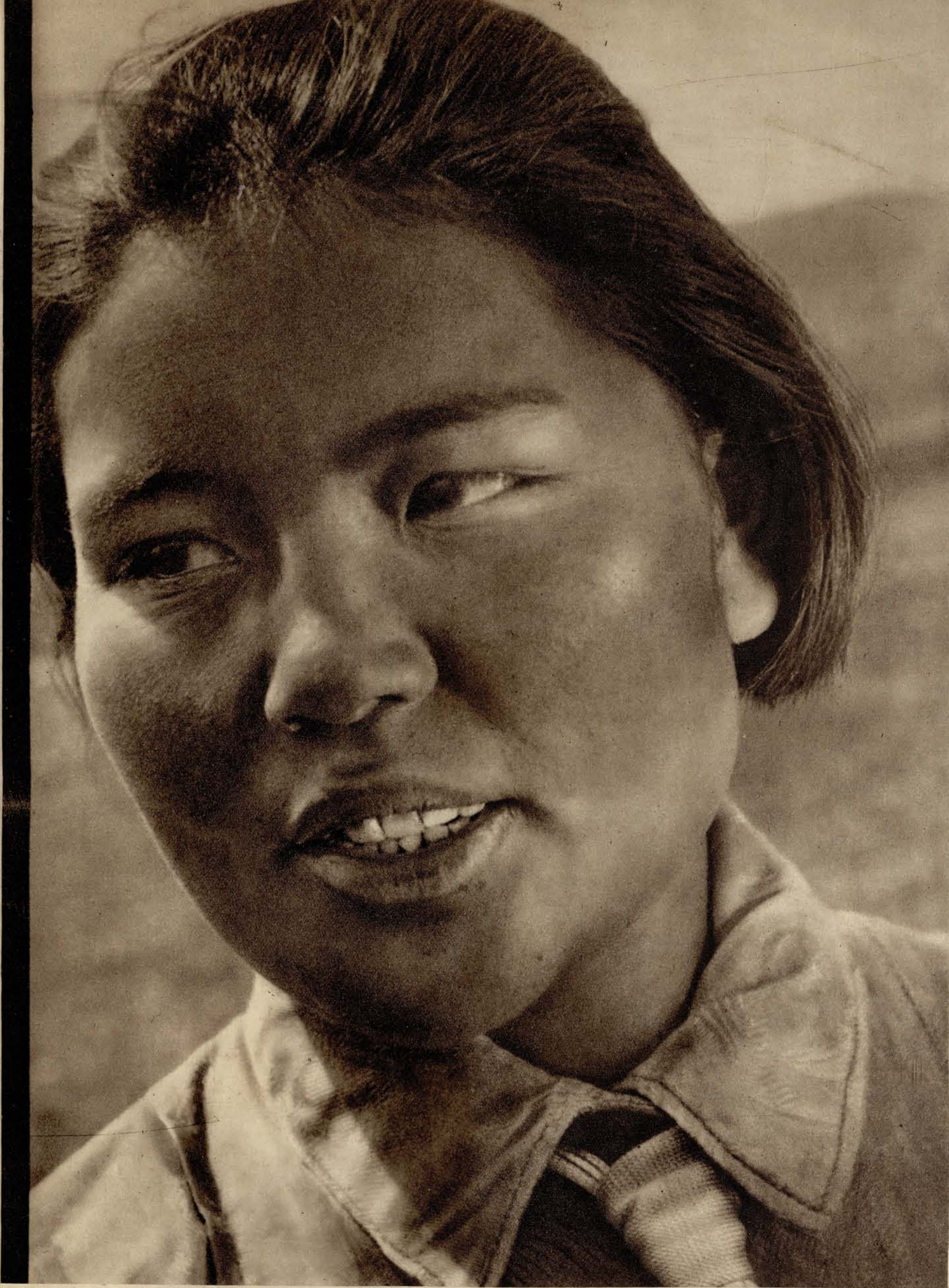

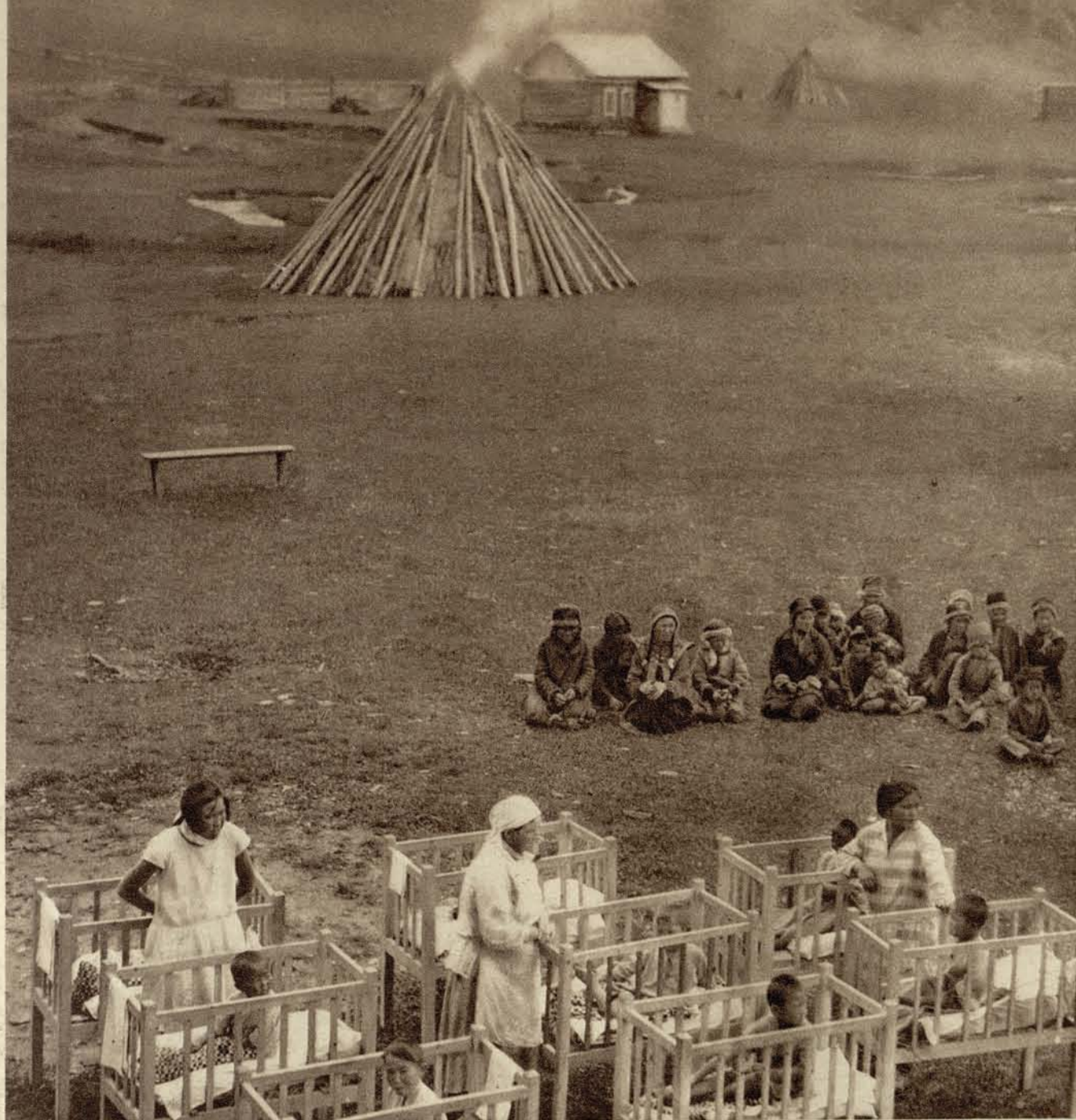
Дом Культуры в Онгуде перевоспитывает ойротку. Здесь обучают Кохаеву не только грамоте, не только развивают политически,— девушку приучают следить за чистотой, приучают к мылу и зубной щетке, к новой гигиенической одежде. Кохаева бросила арачку (самогон), привычку спать не раздеваясь, все, что так рано старит и подкашивает здоровье ойротки. Одновременно девушка научилась тому, что потребуется ей в ее будущей работе: шитью, уходу за детьми, умению оказать ребенку первую медпомощь.

Из Онгудая Кохаева вернулась совсем другой не только по обличью.
Как и Кучияков в родной Куладе, Кохаева стала застрельщицей новой жизни.

Кохеева теперь заведует детскими. Нужно видеть, с каким умением справляется она с этой сложной и хлопотливой работой. Сколько терпения и настойчивости проявляет она, стараясь, чтобы куладинские малыши уже не знали той грязи, лишений, болезней и безнадзорности, какие испытала когда-то она сама.

Кохеева среди своих подруг-комсомолок.

ТЕМ ЖЕ ПУТЕМ

От робкой девочки у костра в аиле — до заведывающей яслями, от пастушьего седла — до московского университета — таков путь Кохеевой и Кучиякова. Но их путь, зафиксированный нашим фото-аппаратом в 1930 и 1932 г., — это путь десятков и сотен ойрот и ойроток.

В колхозах и учреждениях, в школах и редакциях, в милиции, в суде — всюду работают и растут новые люди. Они жадны к знанию, они торопятся покончить со своей отсталостью и освободиться от прошлого.

Даже отец Кохеевой, не хотевший прежде отпускать дочь, теперь сам работает на молочном заводе и учится грамоте.

Ойротка — машинистка.

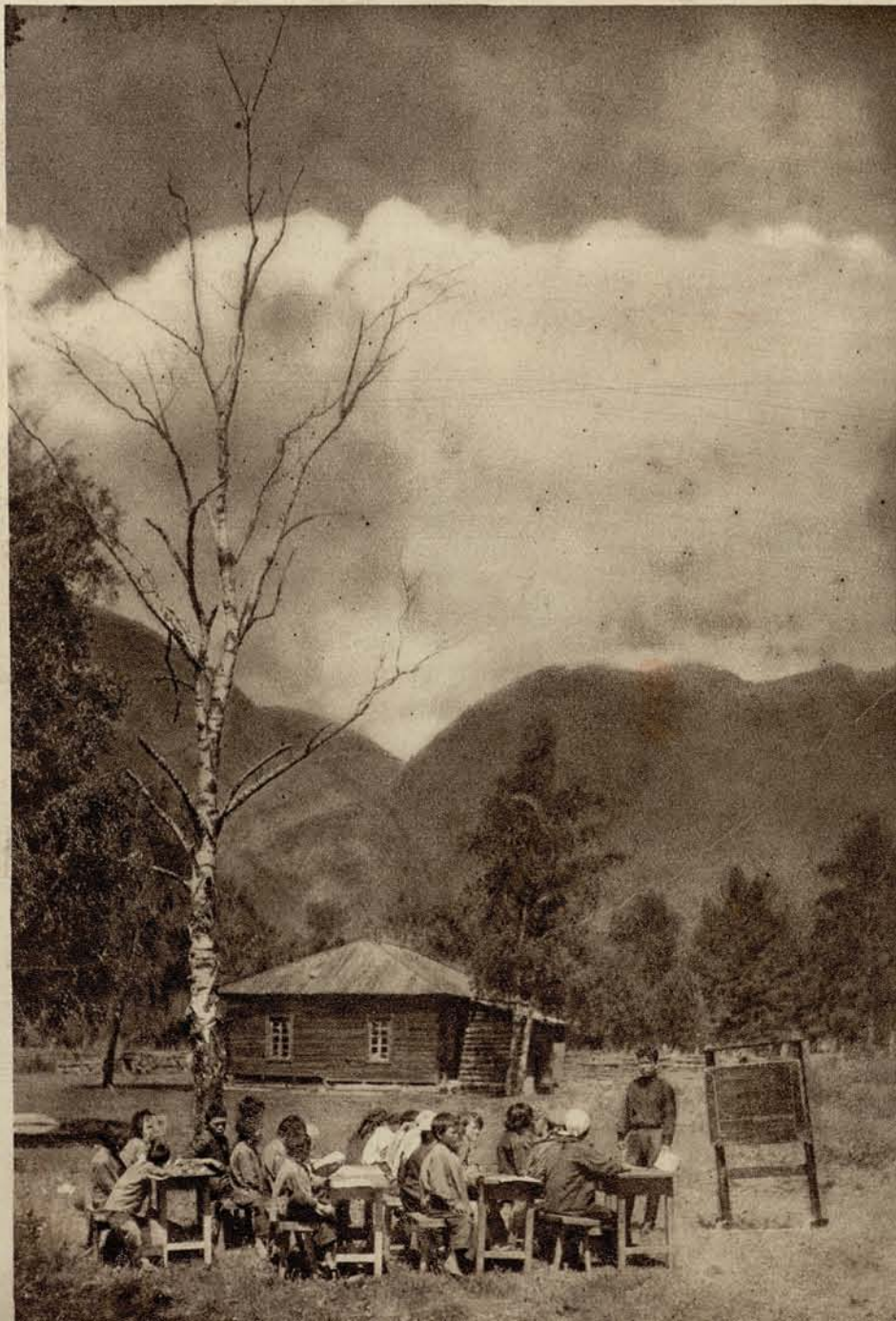
Гутонхэ Кэргиль — судья

СОВЕТСКАЯ ОЙРОТИЯ ГОТОВИТ СМЕНУ

„Неграмотным народом легче управлять...“

Так писала алтайская православная миссия, и она была права: только забитым, темным народом могло править самодержавие.

В наследие советской власти оно оставило поголовную (94%) неграмотность и несколько русских школ, созданных для насильственного обрусения ойротов. Но уже в 1922 г. по автономии насчитывалось 16 ойротских школ (из общего числа 26) с 712 учащимися. К 1930 г. число школ достигло 57 с 3 380 учащимися, а в 1931—1932 гг.— 77 с 5 600 учащимися.

В нынешнем году в Ойротии введено всеобщее начальное обучение.

Школа.

Практические занятия в колхозном институте.

Главной задачей здесь является охватить обучением всех детей ойротов. За десятилетие этот прирост выразился в 309 %, в то время как рост русских школ достиг только 170 %. Для беспризорных и безнадзорных детей организовано десять интернатов. Для подготовки нацкадров созданы две совпартшколы, педагогический техникум, зооветеринарный техникум, комбинат кооперативного образования, 10 семилеток с 1045 учащимися и художественная школа. Кроме того, имеются курсы по подготовке в рабфаки и техникумы, а в 1932 г. открылось первое высшее учебное заведение, колхозный институт, с двумя факультетами.

СТРАНА СПЯЩИХ БОГАТСТВ

Горные порожистые реки — Чуя, Катунь, Бия, водопады, берега Телецкого озера и горы, где обнаружены золото, свинец, медь, серебро — ждут еще человека. Во второй пятилетке на Телецком озере, в месте, где вытекает из него река Бия, будет построена гидро-электростанция, которая даст энергию для всей Ойротии. Десятки геологических и изыскательных партий обследуют богатства края.

Телецкое озеро.

АЛТАЙ — страна туризма, советская Швейцария. Туризм здесь только начинает развиваться. Алтай — здравница для трудящихся всего Советского Союза.

Маслозавод, перерабатывающий продукты животноводства ойротских совхозов и колхозов.

Внутренний вид маслозавода.

Рога маралов идут на экспорт в Китай.

Стадо маралов.

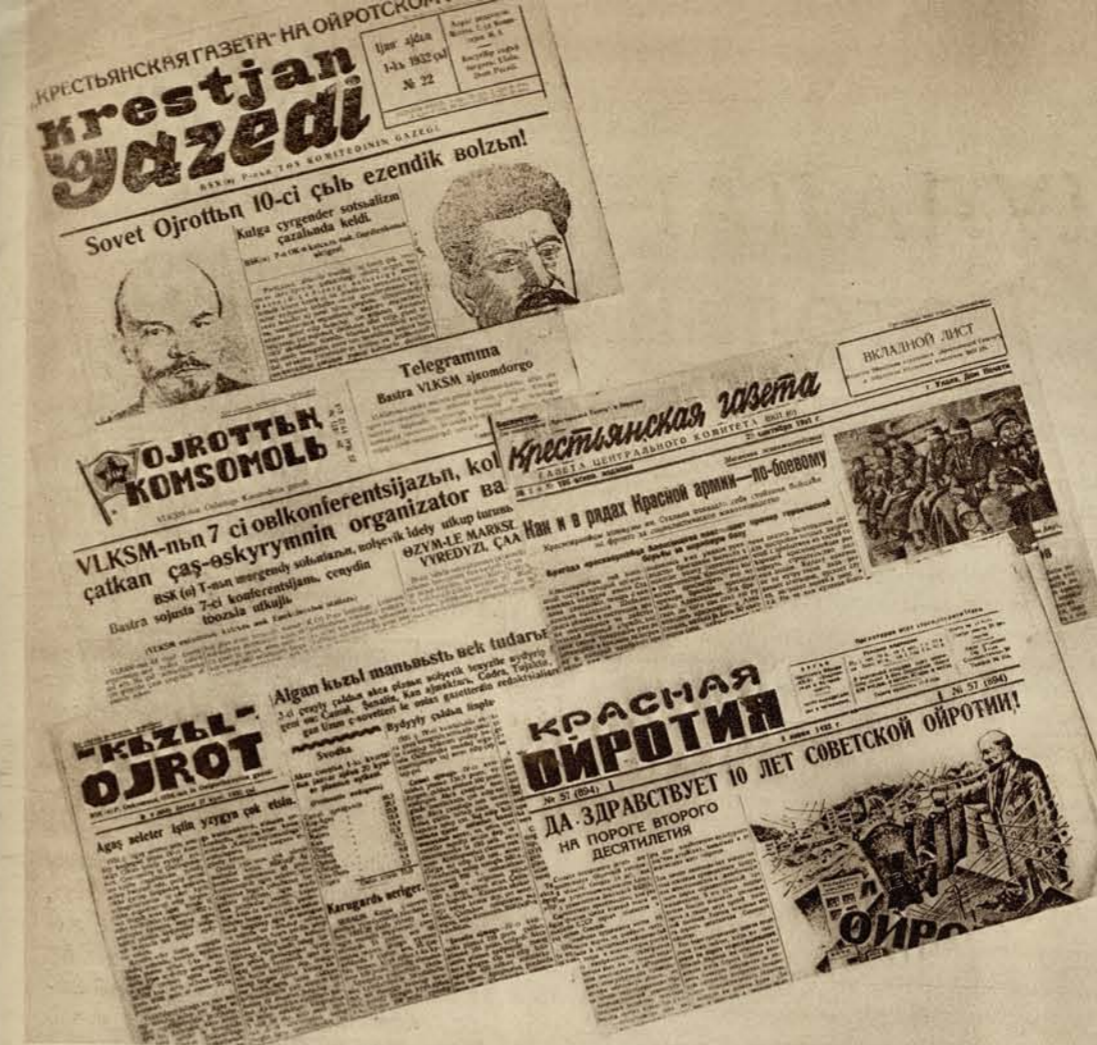

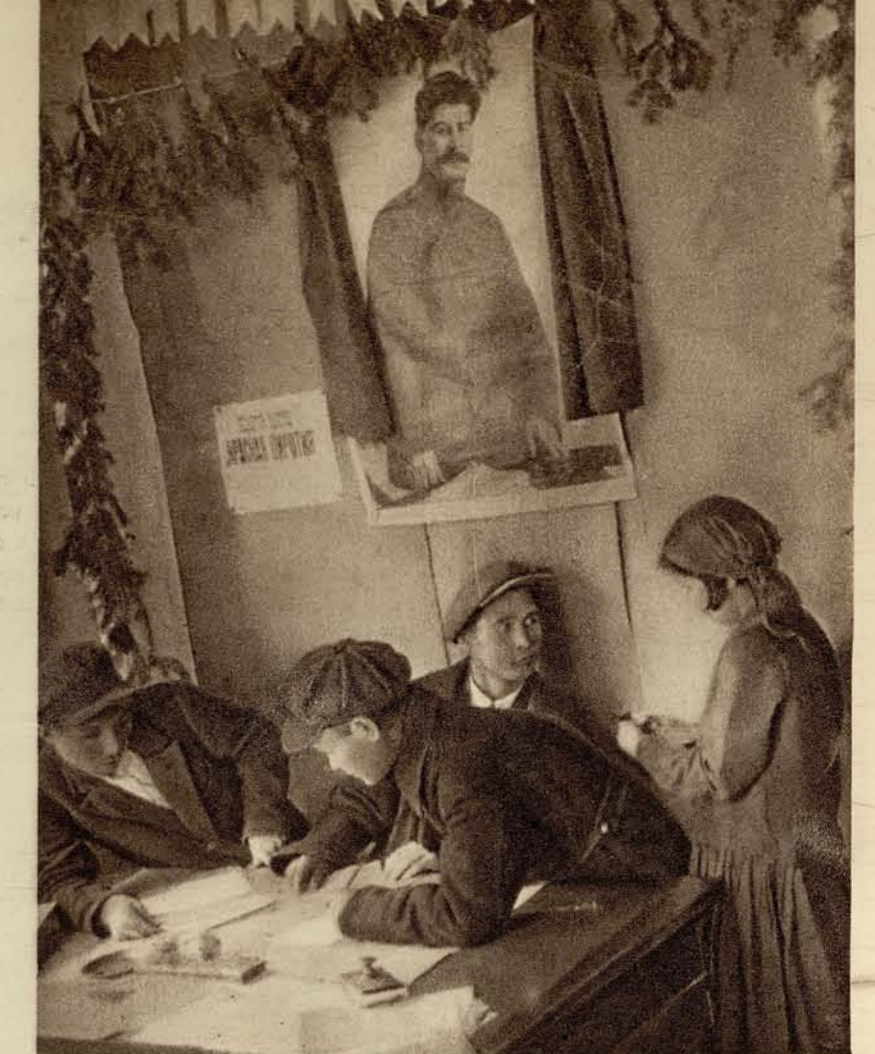
ОЙРОТ-ТУРА (УЛАЛА)— СТОЛИЦА ОЙРОТИИ

В царское время Улала была небольшим заштатным городком, сонным и грязным. За годы революции столица автономии сильно изменилась: население увеличилось в несколько раз, построено много новых зданий, проведена распланировка улиц национальной области. Недавно открыт первый ойротский театр.
До революции в Ойротии не было ни своего алфавита, ни своей письменности. Латинизированный алфавит, введенный при советской власти, сразу дал толчок для продвижения печатного слова, в особенности газеты, в широкие слои ойротского населения. Теперь здесь имеются 4 газеты на ойротском языке и один журнал.

По инициативе „Крестьянской Газеты“, шефствующей над Ойротией и выпускающей для нее специальное издание, организуется „Кабинет социалистического животноводства“, пропагандирующий передовую зоотехнику. Газета в Ойротии является объединяющим, организующим и воспитательным центром.

Газеты, выходящие в Ойротии

В редакции газеты „Красная Ойротия“.

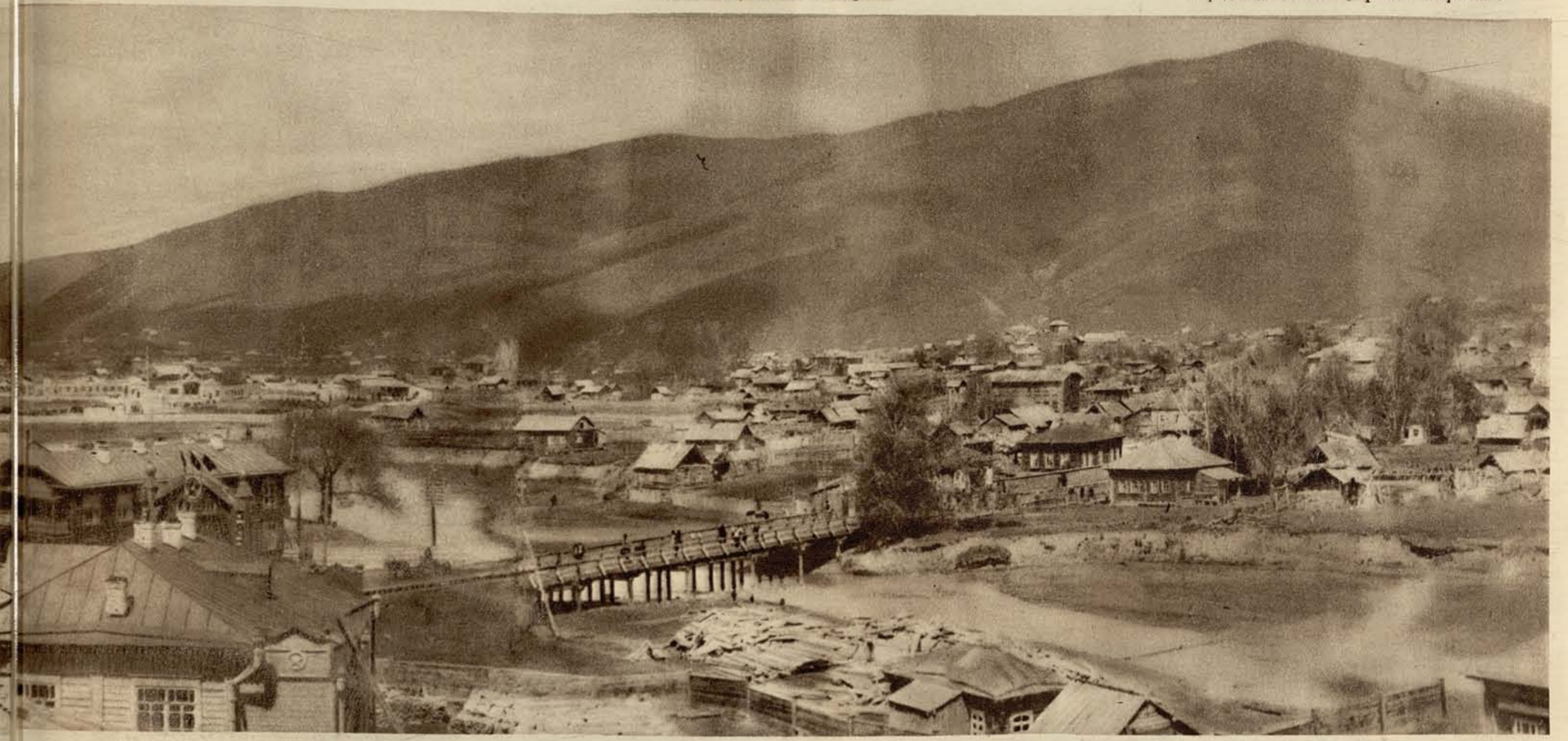

Новый ойротский театр.

На с'езде колхозов в Уладе.

Проводят телеграф и телефон.

OIROT-TURA (ULALA)— OIROT OBLASTYŇ TƏS GORODY

Kaın çany tuŝta Ulalu den baıkaŝtuu deremne bolgon. Bu otkon çyldarda aldınan çatkan (avtonomny) Oirot oblasty tes gorodı syrekei kuulıyp kalgan: çurtap çatkan ulıstıń toozı kanca-kanca katap esken, ancadala Altai ulıstıń toozı koptygen. Keı çany turalar tudıp salgan. Ulıstıalardıń plandarı, nomerları salgan. Bu çunkta çany başlapkı çany „natsional“ mı teatr açılğan.
Revolıtsıanadı ozo Oirot (Altai) ulıstıń bolırsında kandıyda bıckı çok bolgon. Emdı sovet başkaruıńıń ıyıtında çarıştıı tabılğan. Oı çany alıf-la cıer bolgon sonında onıla kozo gazet, zurnal, knıga esken. Oirot (Altai) ulıstı emdı bolırs çarıştıı bıckıtyy, gazety, zurnalduu, knıgalı boldı. Oirot (Altai) tille emdı oirot-turada 4 gazet cıgıyp çat, bazar nı zurnal cıgıyp çat. Ulalu emdı ozogı baıkaŝtuu Deremne emes, a çany kul'turnı Oirot oblasty tes gorodı.—Oirot-tura.

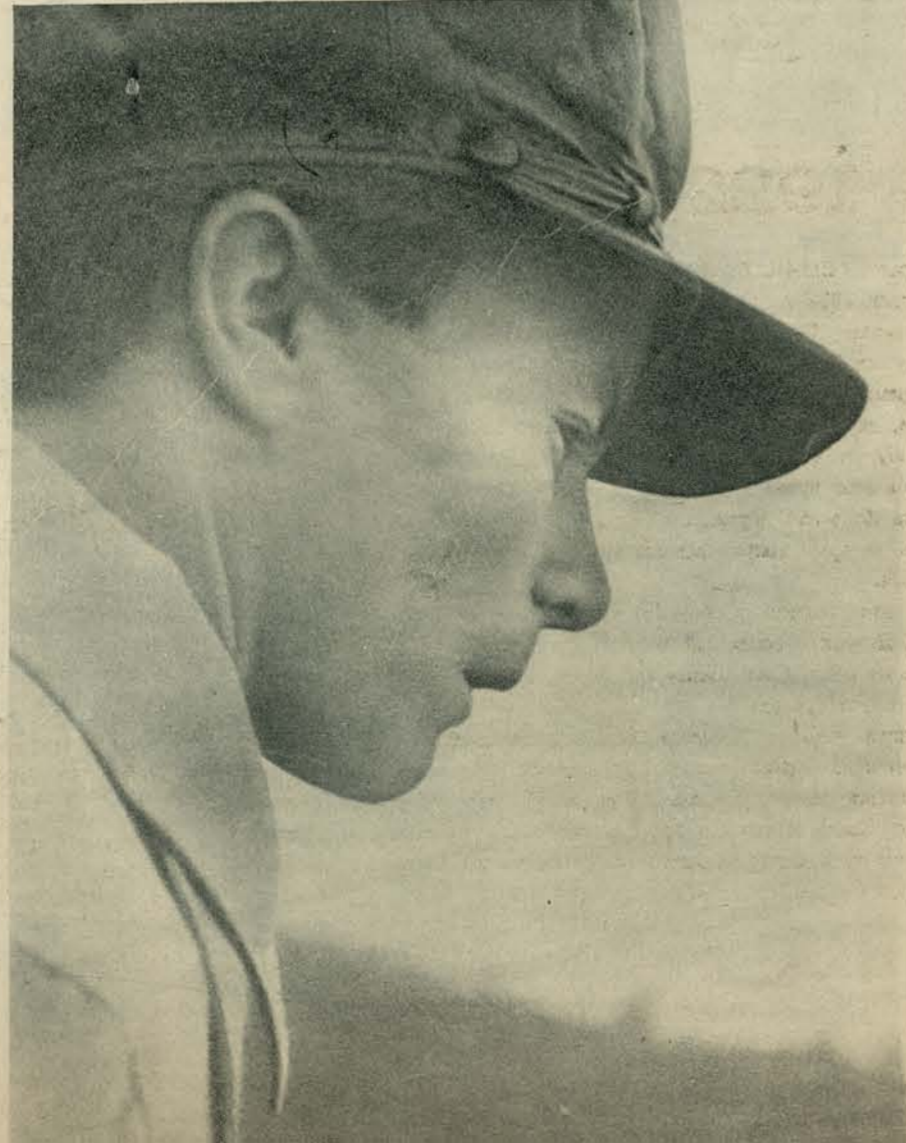
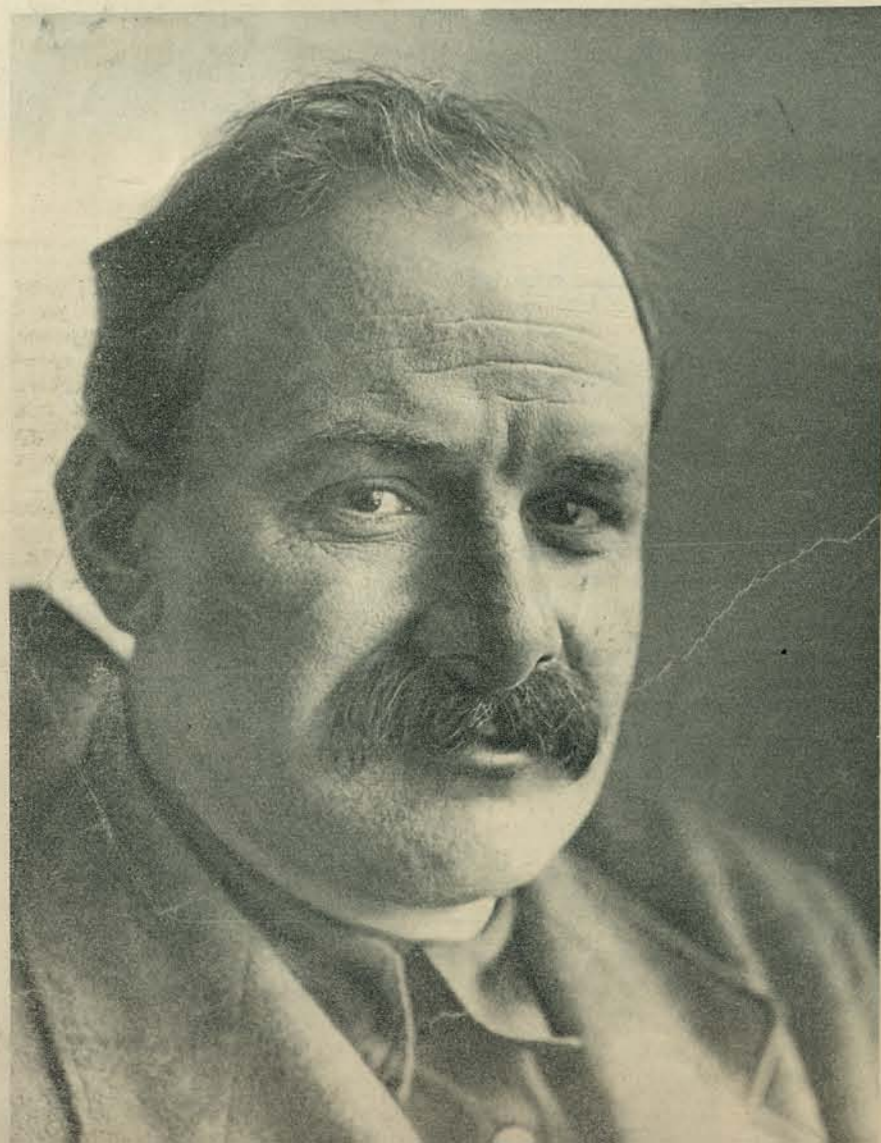

Секретарь ВЦИК тов. Киселев приветствует трудящихся Ойротии в день ее десятилетия.

Тов. Гордиенко — секретарь областкома партии.

Тов. Хабаров — председатель Ойротского облисполкома.

10 ЛЕТ МИРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

1 июня 1922 года

IUN AIDЫŇ 1 KYNINDE 1922 ƇYLDА

декретом ВЦИК была объявлена Ойротская автономная область. 1 июня 1922 г. Ойротия праздновала десятилетие своего существования. От векового гнета бая, пона, урядника — к национальному освобождению трудящихся. От нищеты, забитости, суеверия — к грамоте, культуре, росту общего благосостояния. От завывания кама, изуверской обрядности — к газете, клубу, театру, из аида — в избу, от коневья — к оседлости.

Таков этот путь!

Путь Кохаевой, Кучьякова, сотен ойротских активисток и активистов, которым только революция дала возможность жить и развиваться.

Те, кто полегли в борьбе с классовым врагом, те, кого вел тов. Доягих в „снежный поход“, не даром боролись. Их жизнь уже не похожа на жизнь их отцов, а жизнь их детей будет во много раз лучше.

Слушая речь т. Киселева, который приветствовал их от имени Советского правительства, трудящиеся Ойротии в праве были гордиться своими успехами. Они знали, что эти успехи — успехи всего Союза и что как прежде, так и впредь, только в дружном единении, в интернациональной солидарности возможно движение вперед.

Bastıya Rasseidin tes ispolnitelni komitetiniy dekret-dile Oirot onlastı aldınan (avtonomni) Ƈadar edip tozegen. 1-ki iunda 1922 Ƈylda Oirof volıny on Ƈylyp vaıramdagan. Ozogı volıno kanca yiege naıga, aıyska, vijlerge, kapitalistarga bastıyp Ƈiditip Ƈatkan ulus — emdi ol kızaladıy Ƈyrymnen kolıcyile Ƈatandar aırsıgan — aldınan Ƈaıym Ƈadar Ƈyrymduy volgon. Ƈavıs, kara-karaııı, neme vılyes tıulık Ƈyrymnen — vıckıke yrenip, kul'turıny volıp, Ƈakıy Ƈadar Ƈyrymi Ƈsken. Kamık maldy talasıs kamnyd oordınga, Alnatı mekeleeci Ƈarlıkdyd oordınga sovet-tin doktor-emci ulustar Ƈsken, baza gazet, zurnal, klub, teatr Ƈsken. Tıvraktuu, ıstuu sook aıldan aruu-cek, Ƈıluu turaga kire bergem. Kesıp Ƈyreten Ƈyrymnen aırsıyp — Ƈanıy Ƈerge Ƈadar kul'turıny Ƈyrymduy volıp vargan. Bıstın on Ƈylda Ƈsken Ƈolıbas mııdı!

Ozogı tuıta Ƈalıy volgon Kuciakov-ka, Bekin-ge, Todomoıev Makıı-ka, Ƈaprinov Talııaıka, Bedıurov Ƈanaga, Cicinov Ƈaıka-ga, Kııey Bodoıgo Ƈe onondo Ƈsko baza olorgo ok tıney kanca Ƈys Ƈalıylarga Ƈesıe Ƈyrymı, Ƈanı azar Ƈoldı. proletardıy Oktıar Revolyutsıazıy bergem. Ozogı saı-nyı, Argımalııy, Tavokov-dın, Filatov-dın Ƈe onon-do Ƈsko Ƈimekilerdin Ƈalıylar emdi aimak-tyl, onlastın izın vaıskarar aktıvdar volgon.

Ozogı tuıta Ƈı neme nılyes volgon Altai yı ulus: Tordokova, Culunova Tııka, Ƈaxaıeva, Aıdıııova Sodoıbaı Ƈe onondo Ƈsko olorgo tıney kanca Ƈys yı uluska Ƈesıe, Ƈarık, voı Ƈyrymıdı kara Ƈalıy proletardıy Oktıar Revolyutsıazıy bergem. Kanca-kanca Altai yı ulustar yrenip alıp emdi aimaktyd onlastın izın vaıskarar aktıvdar volgon.

Nekar Dolıx-dın naıtaganıvııa „karga sookko“ ıralar Ƈııılaııp Ƈyryp klass Ƈıııylerdin kolııan Ƈııen nekerler tegin Ƈııen emes. Olor tegin Ƈııılaıkan emes. Olordın Ƈyrymi olordın ada — Ƈve-kızınyd Ƈyrymıne tıney emes. Olordın baldarınyd Ƈyrymi olordın Ƈık Ƈok artık volor. Oırot-to kol-kıcyile Ƈatkan Alnatı neker Kiselev-dın Sovet vaıskarıııdan utkup aıtkan sesin ugur turala volıııy nııdyrgen keregınyd Ƈakıy nytkeninge maktanarda ucırs nar. Olordın işter nııdyrgen keregi bastıya Sovet Sotuz-tyd nııdyrgen keregi. Olor onı Ƈart nıılyp turu. Munan ozo baza mıııııııda arı nııdyrer işı eptyu bıı volıp bııgııı, internatsıonal volıp, seıı, symezi bıı volıp nııdyrerın oıroto kol-kıcyile Ƈatkan Alnatı Ƈart nıılyp turu.

В этот день
в Ойротии
состоялся
праздник
десятилетия
существования
Ойротии.
Колхозники
и совхозники,
учащиеся
и физкультурники,
ойроты и
русские,
сехавшиеся
со всех
концов
области,
демонстрировали
свои
достижения,
свое
желание
работать
и расти
в общей
семье
народов
СССР.

Праздник десятилетия существования Ойротии был всенародным праздником. Колхозники и совхозники, учащиеся и физкультурники, ойроты и русские, сехавшиеся со всех концов области, демонстрировали свои достижения, свое желание работать и расти в общей семье народов СССР.

СОВЕТСКАЯ ОЙРОТИЯ. Фото-очерк М. Альперта и С. Фридлянда.
Литературное сопровождение М. Эгарта. Монтаж Н. Трошина.

СССР НА СТРОЙКЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ В ЧЕТЫРЕХ ИЗДАНИЯХ: НА РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: М. ГОРЬКИЙ, А. ГОЛЬЦМАН, Г. ГРИНЬКО,
Т. ЕНУКИДЗЕ, И. ИОНОВ, М. КАЛМАНОВИЧ, МИХ. КОЛЬЦОВ, П. КРАСНОВ,
Ф. КОНАР, Г. ПЯТАКОВ (ответственный редактор), С. УРИЦКИЙ, А. ХАЛАТОВ
РЕПРОДУКЦИИ БЕЗ ССЫЛКИ НА ЖУРНАЛ «СССР НА СТРОЙКЕ» ВОСПРЕЩАЮТСЯ
АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА 69, М. НИКИТСКАЯ, 6. ТЕЛ. 4-77-01
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Г. Л. ПЯТАКОВ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1932 г.: год — 15 руб.; полгода — 7 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВСЕМИ ФИЛИАЛАМИ И ОТДЕЛЕНИЯМИ КНИГОЦЕНТРА ОГИЗ'А И ВСЮДУ НА ПОЧТЕ
ЗА ГРАНИЦУ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВСЕСОЮЗНЫМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ «МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА»

МОСКВА, ЦЕНТР, КУЗНЕЩИЙ МОСТ, 18

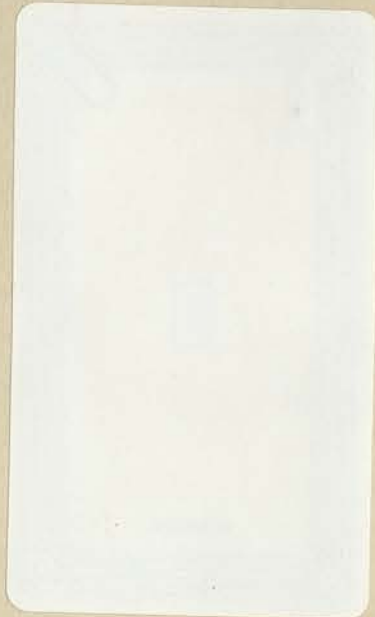

1 р. 50 к.

1932

ОГИЗ

ГБУК г. Москвы
Центральная библиотека
им. Н. А. Некрасова

2 030000 498673